
Юрий Краюшкин
Два берега
18+

Юрий Краюшкин
Два берега

https://litres.ru/74718964
SelfPub; 2026

Аннотация

У Элиф есть мечта. Париж. Не просто город — другая жизнь. Работа в модном доме, собственная квартира с видом на крыши, кофе на рассвете, пока весь мир спит. Она шла к этому пять лет: курсы, стажировки, бессонные ночи. И вот — билет. Один рейс. Осталось только сесть в самолёт. У Тома есть работа. Стамбул. Не мечта — задание. Архитектурное бюро отправляет его на полгода, восстанавливать старый дом в Галате. Он не хочет ехать. Париж — его город. Но отказаться нельзя: контракт, деньги, репутация. Их рейсы задерживают. Оба — в аэропорту Шарль-де-Голль, оба — с чемоданами и планами, которые вот-вот изменятся. Одна ночь. Один разговор. Два берега, которые вдруг оказываются ближе, чем казалось.

Содержание

Глава 1. Чемодан 4
Глава 2. Столик 10
Глава 3. Крыши 17
Глава 4. Ткань 23
Глава 5. Встреча 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Юрий Краюшкин
Два берега

Глава 1. Чемодан

Чемодан не закрывался, и я сидела на нём, как дура, в темноте, потому что свет включать не хотела — вдруг мать заметит, что я ещё не сплю, и придёт говорить.

Она пришла всё равно. Матери всегда приходят.

— Ты уверена? — спросила она из-за двери.

— Нет, — сказала я.

Это была правда. Я не была уверена ни в чём: ни в Париже, ни в билете, ни в том, что поступаю правильно. Уверена я была только в одном — остаться здесь я больше не могу. Но это не то, что говорят матери в два часа ночи.

Она вошла. В халате, с чашкой чая, который она не пила — просто держала в руках, как держат что-то, за что можно спрятаться. Села рядом на пол, тяжело, по-старушечьи, хотя ей ещё нет шестидесяти.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала.

— Знаю.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива.

— Знаю.

— Но я не понимаю, как можно быть счастливой там, где

меня нет.

Вот это было по-настоящему. Вот это была не жалоба, не упрёк — страх. Чистый, голый страх, который она прятала за чашкой чая.

Я взяла её за руку. Пальцы холодные, шершавые от стирки, с кольцом, которое она не снимала сорок лет. Я подумала: а я смогу так? Прожить с одним человеком сорок лет, не снимая кольца, не задумываясь, а правильно ли я выбрала?

— Мам, — сказала я. — Я не уезжаю навсегда.

— Все так говорят.

— Я вернусь. На праздники. На свадьбу Сельмы. На твой день рождения.

— А если останешься?

Я не ответила. Потому что не знала. Потому что в глубине души боялась, что она права — что я уеду и не вернусь, что Париж окажется сильнее, чем дом, чем семья, чем всё, что я знаю.

Она вздохнула и встала.

— Отец не спит, — сказала она. — Он ждёт, когда ты выйдешь.

— Что он хочет сказать?

— Не знаю. Он не говорит. Но он ждёт.

Она ушла. Я посидела ещё минуту на полу, прислушиваясь к тому, как стихают её шаги, потом встала и вышла в гостиную.

Отец сидел в кресле. Газета лежала на коленях — трёх-

дневная, я знала, что он её не читает. Свет от торшера падал на его лицо, и я впервые заметила, как он постарел. Морщины у глаз. Седина на висках. Руки, которые уже не такие твёрдые, как в моём детстве.

— Пап.

Он молчал.

— Я уезжаю завтра.

Молчание.

— На полгода. Может, меньше. Может, больше.

Он поднял глаза. В них не было злости. Только усталость — та, что бывает у людей, которые всю жизнь работали и теперь не знают, что делать с тишиной.

— Ты знаешь, что я думаю, — сказал он.

— Знаю. Ты думаешь, что я делаю глупость.

— Нет. Я думаю, что ты делаешь то, что должна. Но я боюсь.

— Чего?

— Что ты не вернёшься. — Он сказал это просто, без драмы, и от этого стало только хуже. — Не потому, что не захочешь. А потому, что там будет лучше, чем здесь. И ты поймёшь, что тебе нечего сюда возвращаться.

Я опустилась на колени рядом с его креслом. Взяла его руку — большую, тёплую, с мозолями от работы.

— Пап, — сказала я. — Здесь мой дом. Здесь ты. Здесь мама. Здесь Сельма. Здесь всё, что я знаю. Я еду не потому, что здесь плохо. Я еду потому, что хочу проверить, смогу ли.

— Сможешь, — сказал он. — Ты моя дочь. Ты всё сможешь.

Он впервые за вечер улыбнулся. Слабо, уголком рта, но улыбнулся.

— Только не забывай, кто ты, — добавил он. — Не забывай, откуда.

— Не забуду.

— И звони. Мать будет ждать.

— Буду.

Он отпустил мою руку и снова уставился в газету. Разговор был окончен. Я поднялась и пошла к себе.

Утром я проснулась раньше будильника. Лежала, слушала, как город просыпается: машины, гудки, далёкий призыв на молитву, лай собак. Стамбул шумел, как всегда. Город, в котором я родилась. Город, который я любила. Город, из которого я уезжала.

Такси приехало в семь. Я вынесла чемодан, поставила у двери, обернулась. Мать стояла в коридоре, прижав руки к груди. Отец — за её спиной, с руками в карманах. Сельма — у подъезда, с растрёпанными волосами и пакетом, из которого торчала бутылка.

— Это тебе, — сказала Сельма, сунув пакет мне в руки. — На новоселье. Откроешь, когда будет совсем плохо.

— А если не будет плохо?

— Будет. Поверь мне.

Мы обнялись. Она пахла сигаретами и духами, как всегда,

и это было так знакомо, что у меня защипало в глазах.

— Я буду писать, — сказала она. — Каждый день. И ты пиши.

— Буду.

— И если кто-то тебя обидит — скажи. Я приеду. Я найду. Я...

— Сельма.

— Что?

— Ты плачешь.

— Нет. Это аллергия.

Мы обе засмеялись, хотя глаза у обеих были мокрыми.

Мать сунула мне в руки свёрток — тёплый, в фольге. Запахло домашней выпечкой.

— Мам, я не смогу это есть в самолёте.

— Сможешь. Это долма. Ты любишь долму.

— Мам...

— Не спорь с матерью.

Я взяла свёрток. Он был тёплым, как руки матери, и от этого стало только хуже.

Отец подошёл последним. Он не обнял меня — он никогда не обнимал на людях. Просто взял за плечи и посмотрел в глаза.

— Звони, — сказал он.

— Буду.

— И помни: если что — возвращайся. Дом открыт.

— Помню.

Он кивнул и отступил. Мать всхлипнула. Сельма помахала. Я взяла чемодан и пошла к машине.

Обернулась только раз — у самого такси. Отец стоял, подняв руку. Мать плакала в платок. Сельма махала обеими руками. Я улыбнулась и села в машину.

В самолёте я села у окна. Стамбул под крылом становился всё меньше: сначала город, потом район, потом дом, потом точка. Я смотрела, пока точка не исчезла. Потом закрыла глаза.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от Сельмы: «Ты спятила. Но я тобой горжусь».

Я улыбнулась, выключила телефон и откинулась в кресле.

Впереди был Париж. Впереди была жизнь, которую я придумала себе в двенадцать лет. Впереди было всё.

Я не знала, что через несколько часов в аэропорту Шарль-де-Голль мой рейс задержат — и что в кафе, где я буду сидеть, окажется только один свободный столик. И что за этим столиком уже будет сидеть человек, который изменит всё.

Но это будет потом.

А пока я летела.

Конец первой главы.

Глава 2. Столик

Шарль-де-Голль встретил меня дождём.

Я вышла из самолёта и сразу почувствовала разницу: не стамбульская влажная духота, а резкий холод, ветер, запах мокрого асфальта и кофе. Куртка, которую я считала тёплой, оказалась бесполезной. Я поёжилась и пошла за толпой.

Паспортный контроль тянулся бесконечно. Я стояла, переминаясь с ноги на ногу, и разглядывала людей: французы, туристы, кто-то с собакой, кто-то с ребёнком на руках. Все куда-то спешили. Все знали, куда идут. Я — нет.

Багаж. Лента. Чемодан, который норовил упасть на ноги. Я взяла его и вышла в зал прилёта — огромный, стеклянный, гудящий. Посмотрела на табло. До следующего рейса — три часа.

Телефон завибрировал. Мать: «Долетела?» Сельма: «Ты там?» Отец: ничего. Он ждал звонка.

Я набрала его номер.

— Алло? — голос хриплый, будто он не спал.

— Пап, я долетела.

— Хорошо. — Пауза. — Как там?

— Дождь.

— А в Стамбуле солнце.

— Знаю.

Мы помолчали. Я слышала, как он дышит — тяжело, с

присвистом. Будто держал что-то в себе и не мог выпустить.

— Пап, — сказала я. — Я в порядке.

— Знаю, — сказал он. — Звони.

И повесил трубку.

Я убрала телефон. Три часа. Сидеть на скамейке не хотелось. Хотелось кофе.

Кафе на втором этаже — маленькое, с видом на взлётную полосу. Я вошла и огляделась. Столики заняты: пары, семьи, кто-то спал на рюкзаке, кто-то работал на ноутбуке. Свободным был только один — у окна, с видом на самолёты.

Я уже шла к нему, когда увидела, что за столиком кто-то сидит.

Мужчина. Лет тридцати с небольшим. Тёмные волосы, небрежно зачёсанные назад. Серый свитер, чашка кофе, раскрытый ноутбук. Он смотрел в экран, и на его лице было выражение человека, который давно ждёт и давно устал ждать.

Я остановилась в двух шагах.

— Извините, — сказала я. — Это место свободно?

Он поднял глаза.

И я забыла, что хотела сказать дальше.

Серые. Не просто серые — как небо перед дождём, с тёмными крапинами. Он смотрел на меня секунду, две, три — и в этом взгляде не было ни раздражения, ни безразличия. Только удивление. Будто он не ожидал увидеть здесь кого-то вроде меня.

— Да, — сказал он. — Свободно.

Голос низкий, с лёгкой хрипотцой. Я кивнула и села напротив. Поставила чемодан у ног, сумку на колени, заказала кофе у проходящей мимо официантки.

Повисла тишина. Не неловкая — просто тишина. Он вернулся к ноутбуку. Я — к телефону. Оба делали вид, что не замечаем друг друга.

Потом он сказал:

— Тоже задержка?

Я подняла глаза.

— Что?

— Рейс. У вас тоже задержка?

— А, да. — Я убрала телефон. — Три часа.

— У меня четыре. — Он закрыл ноутбук. — Я Том.

— Элиф.

— Элиф, — повторил он, и моё имя в его произношении прозвучало иначе. Мягче, что ли. — Красиво.

— Спасибо.

Официантка принесла кофе. Я обхватила чашку ладонями — тепло, хоть что-то тёплое.

— Вы откуда? — спросил Том.

— Из Стамбула.

— А я из Парижа.

— Я знаю. — Я улыбнулась. — Здесь все из Парижа. Или в Париж.

— А вы? — Он наклонил голову. — В Париж или из Парижа?

— В Париж. Работать.

— Кем?

— Дизайнером. Пока не знаю где. Но найду.

Том кивнул. В его взгляде было что-то — не жалость, не снисхождение, а что-то похожее на уважение.

— Смело, — сказал он.

— Глупо, — поправила я.

— Это одно и то же.

Я засмеялась. Впервые за два дня — по-настоящему, легко.

— А вы? — спросила я. — Куда летите?

— В Стамбул.

Я замерла.

— В Стамбул?

— Да. По работе. Архитектор. Восстанавливаю старый дом в Галате.

— Вы шутите.

— Нет. — Он посмотрел на меня внимательнее. — А что?

— Я из Стамбула. Вы в Стамбул. Я в Париж. Вы из Парижа.

Том помолчал. Потом улыбнулся — медленно, как будто не привык к этому.

— Мы разминулись, — сказал он.

— Разминулись, — согласилась я.

Мы смотрели друг на друга, и между нами было что-то — тонкое, как нить, как линия на карте, как расстояние между

двумя городами.

— А вы не боитесь? — спросил Том.

— Чего?

— Лететь в чужой город. Одна. Без работы. Без знакомых.

— Боюсь, — честно сказала я. — Но я боюсь и оставаться на месте. А выбирать надо между двумя страхами.

Том ничего не сказал. Просто смотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не видела раньше — будто он увидел во мне что-то, что искал сам.

— А вы? — спросила я. — Вы боитесь?

— Стамбула? Нет.

— А чего?

Он помолчал. Потом сказал:

— Что мне там понравится. И я не захочу возвращаться.

Я улыбнулась.

— Знакомо.

За окном взлетел самолёт — медленно, тяжело, с рёвом, от которого задрожали стёкла. Мы оба обернулись — и снова посмотрели друг на друга.

— Три часа, — сказала я. — Что будем делать?

— Пить кофе, — сказал Том. — И говорить.

— О чём?

— Обо всём.

Он отодвинул ноутбук в сторону. Я поставила сумку на пол. И мы начали говорить.

Сначала — о городах. Он рассказывал о Париже, который

знал не по открыткам: крыши Монмартра на рассвете, запах свежего хлеба из булочной на углу, набережные Сены в дождь. Я — о Стамбуле, который знала наизусть: Босфор, чайки, паромы, голоса торговцев на базаре, запах жареных каштанов зимой.

Потом — о работе. Он говорил об архитектуре так, как говорят о любви: с придыханием, с болью, с чем-то, что не выразить словами. Я говорила о тканях, о цветах, о том, как из куска материи рождается платье. Он слушал, не перебивая, и в его глазах было что-то, от чего у меня пересыхало во рту.

Потом — о страхах. Он сказал, что боится не успеть. Не сделать то, что должен. Я сказала, что боюсь остаться никем. Он посмотрел на меня и сказал:

— Вы не останетесь никем.

— Откуда вы знаете?

— Знаю.

И в этом «знаю» было столько уверенности, что я поверила.

За окном стемнело. Самолёты взлетали и садились, взлетали и садились. Мы не смотрели на них. Мы смотрели друг на друга.

— Три часа пролетели, — сказала я, взглянув на часы. — Как пять минут.

— Как вся жизнь, — сказал Том.

Он смотрел на меня, и я чувствовала, как между нами на-

тягивается что-то — тонкое, как струна. Ещё немного — и зазвенит.

— Ваш рейс, — сказал он. — Вам пора.

— Знаю.

— Я не хочу, чтобы вы уходили.

— Я тоже.

Мы помолчали. Потом он взял салфетку, достал ручку из кармана и написал номер.

— Вот, — сказал он, протягивая салфетку. — Напишите, как долетите.

Я взяла салфетку. Наши пальцы соприкоснулись — на секунду, не больше. Но этой секунды мне хватило, чтобы почувствовать, как у меня перехватывает дыхание.

— И вы, — сказала я. — Напишите, как долетите.

— Напишу.

Я встала. Взяла чемодан. Посмотрела на него — в последний раз, запоминая: серые глаза, тёмные волосы, свитер, чашка кофе, салфетка с номером в моей руке.

— До свидания, Том, — сказала я.

— До свидания, Элиф.

Я пошла к выходу. У двери обернулась. Он смотрел мне вслед. Я улыбнулась — и вышла.

Конец второй главы.

Глава 3. Крыши

Париж я увидела из окна такси — и не узнала.

Не тот город, что на открытках. Не Эйфелева башня в закатном свете, не Сена с мостами, не бульвары с каштанами. Другой: серый, мокрый, тесный. Улицы, стиснутые домами. Машины, припаркованные в два ряда. Люди с зонтами, спешащие по тротуарам. Дождь, который не заканчивался.

Я смотрела в окно и чувствовала, как во мне что-то сжимается. Не разочарование — страх. Тот самый, о котором я говорила Тому. Бояться двух вещей одновременно — остаться и уехать — оказалось проще, чем стоять здесь, в чужом городе, с чемоданом и адресом квартиры, которую я сняла по фотографиям в интернете.

Квартира оказалась на шестом этаже. Лифта не было. Я тащила чемодан по узкой винтовой лестнице, останавливаясь на каждом пролёте, чтобы перевести дыхание, и думала: вот она, красивая жизнь. Вот то, о чём я мечтала.

Дверь открылась с третьего раза — ключ заедал. Внутри пахло пылью и старыми книгами. Комната была маленькой: кровать, стол, шкаф, окно. Но окно — это было всё. Оно выходило на крыши. Серые, мокрые, с трубами и антеннами, с черепицей, блестящей от дождя. Настоящие парижские крыши.

Я села на кровать, не раздеваясь, и уставилась в окно.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение с незнакомого номера:

«Долетела?»

Том.

Я улыбнулась — впервые за весь день.

«Долетела. Сижу на кровати, смотрю на крыши. Красиво».

Он ответил мгновенно:

«Это Париж. Он всегда красив, когда не смотришь на него вблизи».

«А ты? Долетел?»

«Долетел. Стамбул встретил солнцем. И запахом жареных каштанов».

«Это мой город. Он всегда так встречает».

«Теперь я понимаю, почему ты боялась уезжать».

Я посмотрела на экран и почувствовала, как внутри что-то теплеет. Не страсть. Пока нет. Что-то другое — будто я нашла человека, который понимает.

«Как твой дом в Галате?» — написала я.

«Старый. Скрипучий. Красивый. Как все дома, которые помнят больше, чем мы».

«Ты всегда так говоришь?»

«Как?»

«Красиво».

Он помолчал — секунд тридцать. Я смотрела на экран, ждала. Потом пришло:

«Только когда есть кому слушать».

Я положила телефон на кровать и уставилась в потолок. Сердце билось быстрее, чем должно было. Я едва знала этого человека. Мы провели вместе три часа в аэропорту. Он был архитектором из Парижа, который не хотел ехать в Стамбул. Я была дизайнером из Стамбула, которая не хотела оставаться на месте. Мы разминулись. И всё же.

Я взяла телефон и написала:

«Я пойду спать. Завтра первый день. Нужно найти работу».

«Удачи. Напиши, как пройдёт».

«Напишу».

«Спокойной ночи, Элиф».

«Спокойной ночи, Том».

Я положила телефон на стол и легла. За окном шёл дождь. Крыши блестели. Я смотрела на них, пока не уснула.

Утром я проснулась от того, что в окно бил свет. Дождь кончился. Небо было серым, но чистым. Я встала, умылась в крошечной ванной, надела лучшее платье — то самое, которое сшила сама, — и вышла.

Париж утром был другим. Не серым и мокрым, а живым: булочные открывались, запах свежего хлеба плыл по улицам, люди шли с кофе в бумажных стаканчиках, дети бежали в школу. Я шла и смотрела по сторонам, и во мне что-то росло — не страх, а что-то похожее на надежду.

Модный дом, куда я пришла на собеседование, оказался

маленьким, тесным, забитым тканями и эскизами. Хозяйка — женщина лет пятидесяти, с острыми глазами и сигаретой в руке — посмотрела на мои работы, потом на меня, потом снова на работы.

— Откуда вы? — спросила она.

— Из Стамбула.

— Давно в Париже?

— Два дня.

Она подняла бровь.

— И уже ищете работу?

— Мне нужны деньги.

Она засмеялась — коротко, сухо, но искренне.

— Хорошо. Мне нравится, когда люди не врут. — Она бросила сигарету в пепельницу. — Выходите завтра. В девять. Не опаздывайте.

Я вышла на улицу и остановилась. Всё. Работа есть. Мечта сбылась. Я стояла на тротуаре, смотрела на незнакомых людей, и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Не радость. Что-то другое.

Я достала телефон и написала Тому:

«Меня взяли. Завтра первый день».

Он ответил через минуту:

«Поздравляю. Я знал, что ты справишься».

«Откуда?»

«По глазам. У тебя глаза человека, который не сдаётся».

Я улыбнулась. Потом посмотрела на телефон и поняла,

что стою посреди улицы, как дура, и улыбаюсь экрану.

— Ты идёшь? — окликнула меня женщина с собакой.

— Иду, — сказала я и пошла.

Вечером я сидела на кровати, ела хлеб с сыром, купленный в булочной на углу, и смотрела на крыши. Телефон лежал рядом. Том не писал с утра. Я не писала тоже — не хотела быть навязчивой. Но в голове у меня крутились его слова: «Только когда есть кому слушать».

Я взяла телефон.

«Как твой дом?»

Ответ пришёл через десять минут:

«Скрипит. Но уже меньше. Я нашёл старые письма в стене. Кто-то прятал их там много лет назад».

«Что в них?»

«Пока не читал. Боюсь».

«Чего?»

«Что это не моё. Что я вторгаюсь в чужую жизнь».

Я задумалась. Потом написала:

«А может, это твоя жизнь. Может, дом тебя ждал».

Он долго не отвечал. Потом:

«Ты странная девушка, Элиф».

«Почему?»

«Потому что говоришь то, что я думаю. Но боюсь сказать».

Я посмотрела на экран. Сердце билось быстрее. Я написала:

«Может, поэтому мы и встретились».

Ответ:

«Может быть».

Я легла на кровать, прижала телефон к груди и закрыла глаза. За окном шёл дождь. Крыши блестели. И где-то в Стамбуле, в старом доме в Галате, человек, которого я знала три дня, читал чужие письма и думал обо мне.

Я улыбнулась в потолок.

Вот она, красивая жизнь. Не та, о которой я мечтала. Другая. Лучше.

Конец третьей главы.

Глава 4. Ткань

Первый день в модном доме начался с крика.

— Это не платье! Это мешок для картошки!

Мадам Клер — та самая женщина с сигаретой и острыми глазами — стояла над манекеном и размахивала моим эскизом. Я стояла рядом, сжимая в руках чашку кофе, и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Я думала, вы дизайнер, — продолжала она. — А вы, оказывается, швея. Швея, которая умеет рисовать. Это не одно и то же.

— Я могу переделать, — сказала я.

— Конечно, можете. Вопрос — успеете ли. Показ через три недели.

Она бросила эскиз на стол и ушла, оставив меня среди обрезков ткани, манекенов и запаха глажки. Я стояла, смотрела на свой рисунок и думала: может, она права. Может, я действительно не дизайнер. Может, я зря приехала.

Телефон завибрировал в кармане.

«Как первый день?»

Том.

Я посмотрела на экран и впервые за утро почувствовала, что могу дышать.

«Меня отругали. Сказали, что я швея, а не дизайнер».

«А ты кто?»

Я задумалась. Потом написала:

«Не знаю. Пока не знаю».

Он ответил:

«Тогда узнаешь. Не сразу. Но узнаешь».

Я убрала телефон и посмотрела на манекен. Потом взяла ножницы, отрезала рукав и начала заново.

К вечеру я переделала платье. Не потому, что стала лучше — потому что злилась. Злость оказалась хорошим топливом. Я кроила, сшивала, распарывала и снова сшивала, пока мадам Клер не остановилась рядом и не сказала:

— Вот. Это уже похоже на платье.

Она не улыбнулась. Но и не ушла. Стояла, смотрела на мою работу, и в её глазах было что-то — не одобрение, а интерес.

— Завтра продолжим, — сказала она и ушла.

Я осталась одна в мастерской. Села на стул, вытянула ноги и закрыла глаза. Всё тело ныло. Руки дрожали. Но внутри было что-то — не усталость, а удовлетворение. Я справилась. Не идеально. Но справилась.

Телефон завибрировал.

«Ну как?»

Я улыбнулась и написала:

«Переделала. Мадам Клер сказала, что это уже похоже на платье. Не комплимент, но прогресс».

«Это комплимент. Поверь мне. Французы не говорят «похоже на платье», если это не так».

«Ты француз. Тебе виднее».

«Я архитектор. Я знаю, когда что-то стоит на своих местах. Твоё платье стоит».

Я посмотрела на телефон и почувствовала, как внутри что-то теплеет. Не страсть. Пока нет. Что-то другое — будто кто-то держит меня за руку на расстоянии.

«А ты? — написала я. — Как твой дом?»

«Скрипит. Я нашёл ещё письма. Прочитал одно».

«И?»

«Это письмо мужчины к женщине. Он писал её из Стамбула в Париж. Она не ответила».

«Почему?»

«Не знаю. Может, не успела. Может, не хотела. Может, письмо не дошло».

Я задумалась. Потом написала:

«А ты бы ответил?»

Он долго не отвечал. Потом:

«Я бы ответил. Даже если бы не хотел. Потому что молчание — это тоже ответ. И он хуже».

Я посмотрела на экран. Сердце билось быстрее. Я написала:

«Ты странный, Том».

«Почему?»

«Потому что говоришь то, что я думаю. Но боюсь сказать».

Он ответил:

«Может, поэтому мы и встретились».

Я положила телефон на стол и уставилась в потолок. За окном шёл дождь. Мастерская была пустой, тихой, пахла тканью и глажкой. И где-то в Стамбуле, в старом доме в Галате, человек, которого я знала четыре дня, читал чужие письма и думал обо мне.

Я взяла телефон и написала:

«Спокойной ночи, Том».

«Спокойной ночи, Элиф».

Прошла неделя.

Я работала как проклятая. Мадам Клер оказалась не такой уж страшной — просто требовательной. Она кричала, когда я делала глупости, и молчала, когда получалось. Молчание я научилась ценить больше, чем похвалу.

Том писал каждый день. Сначала — о доме, о письмах, о Стамбуле, который оказался не таким, как он думал. Потом — о себе. О том, что не любит перемены. О том, что боится одиночества, но привык к нему. О том, что в Париже у него есть друг Люк, который всегда «против», и это его устраивает.

Я писала в ответ. О работе. О мадам Клер. О крышах за окном. О том, что Париж оказался не таким, как я мечтала, — но, может, это и к лучшему. О том, что я скучаю по Стамбулу, но не так сильно, как думала.

Иногда мы созванивались. Не по видеосвязи — просто голос. Он говорил, а я слушала, лёжа на кровати, глядя в по-

толок. Его голос был низким, с хрипотцой, и от него у меня по спине бежали мурашки.

— Расскажи мне о Стамбуле, — попросила я однажды.

— Ты там родилась.

— Расскажи, каким ты его видишь.

Он помолчал. Потом сказал:

— Он живой. Не как Париж — Париж красивый, но холодный. Стамбул — тёплый. Шумный. Настоящий. Я иду по улице, и мне кажется, что город меня знает. Что он ждал меня.

— Он ждал.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

Он засмеялся — тихо, в трубку. И от этого смеха у меня внутри что-то перевернулось.

— Элиф, — сказал он.

— Что?

— Я хочу тебя увидеть.

Я замерла. Сердце забилось быстрее.

— Я тоже, — сказала я.

— Когда?

— Не знаю. У меня показ через две недели. Я не могу уехать.

— Я приеду.

— В Париж?

— В Париж. На выходные. Если ты не против.

Я лежала на кровати, прижимая телефон к уху, и чувствовала, как внутри меня что-то растёт — большое, тёплое, страшное.

— Приезжай, — сказала я.

— Приеду.

— Том.

— Что?

— Я боюсь.

— Чего?

— Что ты приедешь. И всё изменится.

Он помолчал. Потом сказал:

— Всё уже изменилось. В тот момент, когда ты села за мой столик.

Я закрыла глаза.

— Приезжай, — повторила я.

— Приеду.

Он повесил трубку. Я лежала, смотрела в потолок и чувствовала, как сердце бьётся где-то в горле. За окном шёл дождь. Крыши блестели. И я знала, что через две недели всё изменится.

Я не знала, к лучшему или к худшему.

Но я ждала.

Конец четвёртой главы.

Глава 5. Встреча

Он приехал в пятницу вечером.

Я знала точное время — семь сорок пять, рейс из Стамбула, терминал два. Знала, потому что проверяла расписание каждые полчаса, как ненормальная. Знала, потому что не могла работать, не могла есть, не могла думать ни о чём, кроме одного: через несколько часов я увижу человека, которого знаю полтора месяца, но который каким-то образом стал важнее всех, кого я знала полтора десятка лет.

Мадам Клер отпустила меня раньше — впервые за всё время. Посмотрела на моё лицо, на дрожащие руки, на то, как я перекладываю эскизы с места на место, и сказала:

— Иди. Пока не сломала мне манекен.

Я вылетела на улицу, поймала такси и поехала в аэропорт. В машине смотрела в окно и пыталась успокоиться. Не получилось. Сердце колотилось где-то в горле, ладони потели, я сто раз проверила телефон — не написал ли он, не задержали ли рейс, не случилось ли что-нибудь.

Не случилось. Самолёт сел вовремя.

Я стояла в зале прилёта, среди встречающих с табличками и цветами, и чувствовала себя голой. Без таблички. Без цветов. Просто девушка в платье, которое сшила сама, с растрёпанными волосами и сердцем, которое билось слишком громко.

Двери открылись. Вышли люди. Я смотрела на лица — чужие, усталые, безразличные. Искала его. Не находила. И вдруг — нашла.

Он шёл с небольшим рюкзаком за плечом, в тёмной куртке, с чуть растрёпанными после полёта волосами. Увидел меня. Остановился.

Между нами было метров десять. Люди текли вокруг, обтекали нас, как вода обтекает камни. Мы стояли и смотрели друг на друга. И я почувствовала, как всё, что я держала в себе полтора месяца — страх, надежду, ожидание, — поднимается к горлу и сжимает его так, что я не могу дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.